

не играют существенной роли. В частности, И.В. Сталин не «устранился от оперативного командования» весной 1942 г. (с. 30). Авторы правы, что источники по истории айнзатцгруппы А скудны, но именно от неё сохранился самый обширный и единственный многостраничный отчёт, который находится в Российском государственном военном архиве¹ и который можно было бы использовать в исследовании (с. 225). Весьма схематично преподносится история с генералом А.А. Власовым («надеялся покончить с коммунистическим режимом»), при этом сноски даются исключительно на ангажированную провласовскую литературу (с. 312), хотя есть и более серьёзные исследования².

Согласно последним, но не окончательным подсчётам, в России пропавшими в годы войны числится 1177291 представляющий культурную ценность предмет. Рецензируемый труд — это высокопрофессиональное исследование, которое вносит весомый вклад в изучение этой актуальной проблемы. Однако, на мой взгляд, книги такого рода нуждаются в более качественном издании. Монография сильно бы выиграла, если бы издательство наряду с чёрно-белыми поместило вклады с цветными иллюстрациями.

Примечания

¹ РГВА, ф. 500, оп. 4, д. 91.

² См., например: Генерал Власов: История предательства. В 3 кн. / Под ред. А.Н. Артизова. М., 2015.

Сергей Войтиков

Новая биография Михаила Суслова*

Sergey Voytikov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

A new biography of Mikhail Suslov

DOI: 10.31857/S2949124X25020335, EDN: EEIQBF

Известный учёный и яркий публицист В.В. Огрызко издал в серии «Страницы советской и российской истории: Библиотека АФК “Система”» книгу о М.А. Суслове (1902–1982), входившем «в окружение трёх лидеров» СССР — И.В. Сталина, Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева. Кроме Михаила Андреевича при столь разных вождях «смог остаться в руководстве страны» только А.И. Микоян.

Тем не менее в Суслове нередко видят человека, который «много лет занимался в основном чистой пропагандой, причём без особых успехов,

и никогда по большому счёту ни на что не влиял» (с. 5). Весьма скептически отзывались о нём потерявшие былые позиции современники — В.М. Молотов и тот же Микоян (с. 6). Первый секретарь ЦК КПУ П.Е. Шелест, судя по записи в дневнике, в январе 1969 г. «ещё раз убедился, что Суслов — человек в футляре: как будто всё понимает, поддакивает, поддерживает, но ничего не решает» (с. 11, 413).

Другие, особенно на Западе, ещё в конце 1950-х гг. провозглашали Михаила Андреевича «одним из двух или трёх наиболее могущественных деяте-

* *Огрызко В.В.* Михаил Суслов. У руля идеологии. М.: АФК «Система»; Вече, 2024. 560 с., ил.

лей Советского Союза», «секретным наследником самого Сталина», «серым кардиналом», «делателем королей» и т.п. (с. 6–11). Сам автор называет его «Победоносцевым Советского Союза» (с. 10) и признаёт «безусловно... одним из самых мощных с конца 1940-х по 1982 год тяжеловесов советской политики» (с. 12). Но характерно, что «в нашей стране Суслов даже для интеллектуалов очень долго продолжал выглядеть непонятной фигурой», и «для многих так и остался чужим» (с. 8–11). Неудивительно, что то, «в чём конкретно проявлялась его весомость... до сих пор толком никто не изучил и не исследовал» (с. 12).

Восполняя данный пробел в историографии, Огрызко, прежде всего на основании документов из личного фонда М.А. Суслова в РГАНИ (ф. 81), анализирует сохранившиеся обрывочные сведения о происхождении будущего партийного деятеля (которое ещё в позднесоветское время обросло легендами (с. 27)), о жизни и семье его отца — Андрея Андреевича. Безлошадный крестьянин из Хвалынского уезда Саратовской губ., едва окончивший сельскую школу и уходивший на заработки то в Баку, то в Мурманск, он в 1905–1907 гг. оказался замешан в революционное движение и даже пробыл два года под надзором полиции, но уже в 1913 г. организовал в родном селе общество мелкого кредита и совмещал крестьянский труд с обязанностями счетовода (с. 23–31). При этом ему очень хотелось, чтобы его сыновья Михаил и Павел получили образование (поначалу хотя бы в земской школе) (с. 30). В 1918 г. Андрей Андреевич участвовал в создании комитета бедноты, затем перебрался счетоводом на маслобойный завод в Вольск, стал членом Саратовского губисполкома, вступил в РКП(б). Однако карьера его не задалась, и в 1921 г., после смерти супруги, он

вернулся в Хвалынский, вторично женился и в 1930 г. пропал при невыясненных обстоятельствах. Старший сын «обращался в милицию, в прокуратуру, но никто ничего выяснить так и не смог» (с. 31–32).

М.А. Суслов в годы Гражданской войны помогал отцу в комбедде, работал при секретаре в сельсовете и вступил в комсомол, создав ячейку сельской молодёжи. В ноябре 1920 г. он выражал «страстное желание получить политические знания для того, чтобы этими знаниями поделиться с тёмными слоями крестьянства деревни», и просил Саратовский губком КСМ о командировке в Москву в Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова на шестимесячные или двухгодичные курсы (с. 31–35). По-видимому, эта просьба успеха не имела. Более того, в 1971 г. в переписке с волгоградскими школьниками-краеведами Суслов утверждал, что вообще в губком не обращался, поскольку с сентября 1920 г., проходя допризывную военную подготовку, одновременно посещал Пречистенские рабочие курсы, преодолевая каждый вечер пешком 7–8 км от лагеря на Ходынке (с. 35). Но тут он, как полагает Огрызко, «что-то за давностью лет всё-таки запаматовал» и «сам внёс некоторую путаницу в начальные страницы московской части своей биографии» (с. 36). Во всяком случае, судя по уцелевшему среди его бумаг удостоверению, в начале 1921 г. М.А. Суслов, в 1920 г. — секретарь Наркомпочтеля, был принят слушателем «на дневные занятия» Пречистенского рабфака «по командировке губернского профсоюзом Нарсвязи» (так в документе. — *С.В.*) (с. 37). Там же через месяц он вступил в партию, оказавшись в одной ячейке (118 человек) с П. Жемчужиной (с. 36).

На рабфаке, а потом — на плановом отделении экономического факультета Института народного хо-

зайства им. Г.В. Плеханова Сулов успешно совмещал обучение с общественной деятельностью, проявив себя преданным «правоверным» большевиком и сторонником «генеральной линии партии» (с. 44–45). Впоследствии он вспоминал, что «вёл активную борьбу с троцкистами во время дискуссии 1923 г. и с меньшевистским руководством рабфака (Д.М. Генкин и др.)» (с. 40).

Возникший у него «вкус к научным исследованиям» (с. 45) в 1926 г. нашёл выражение в докладе «Кантианство и субъективизм в методах общественной науки (Кант, Виндельбанд, Риккерт)», который получил «высокую оценку» (с. 47). В 1928 г. Сулова направили преподавать в механико-текстильную школу, но он очень хотел попасть в аспирантуру и в феврале 1929 г. был направлен «ячейкой планового отделения... на научную работу» в Институт экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) (с. 48). При поступлении в качестве реферата им был представлен текст пространной статьи «Абсолютная рента в учении Родбертуса», открывшей в октябре 1929 г. новый научно-теоретический сборник Института народного хозяйства «За революционную теорию». За год, проведённый в аспирантуре РАНИОН, Сулов подготовил обширный (150 с.) доклад «Теория стоимости Рикардо и её принципиальное отличие от теории стоимости Маркса» (с. 50). Но к тому времени Михаил Андреевич уже был женат (с 1927 г.) и имел сына Революя. Научные занятия приходилось совмещать с работой в Наркомфине и химическом техникуме. При этом его супруга также трудилась сразу в трёх местах — «лишь бы в семье никто не голодал» (с. 45). Летом 1930 г. он стал преподавателем Промышленной академии, «которая

считалась одной из главных кузниц руководящих кадров» для промышленности (там тогда учились жена Сталина Н.С. Аллилуева и «весьма перспективный партфункционер Никита Хрущёв»), и перевёлся в аспирантуру Института экономики Коммунистической академии (с. 50–51).

За годы учёбы Сулов «сделал важный вывод: чтобы обезопасить себя, каждый научный тезис нужно подкреплять цитатами из Ленина», и «завёл дома картотеку из высказываний Ленина об экономике». Будто бы именно «благодаря ей на него и обратил внимание Сталин», которому однажды «понадобилось уточнить мысль Ленина по какому-то экономическому вопросу»: «Он позвонил в редакцию “Правды” своему бывшему помощнику Льву Мехлису. Но в “Правде” никто наизусть всего Ленина не знал. И тут Мехлис вспомнил про Сулова, с которым он вместе недолгое время занимался в Комакадемии, и про его необычную картотеку, которую не раз видел в коммуналке своего сокурсника. Нужная цитата была найдена в считанные минуты. Передавая цитату, Мехлис посчитал нужным доложить вождю и о Сулове. А образованные люди Сталину всегда были очень нужны» (с. 51). Жаль только, что этот яркий эпизод изложен в книге без ссылки на источник.

В апреле 1931 г. Сулова перевели в аппарат Центральной контрольной комиссии ВКП(б) — Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции СССР — высшего органа партийно-государственного контроля (ЦКК—НКРКИ). В одной из анкет Михаила Андреевича указано, что это произошло «по ходатайству т. Ройзенмана» (с. 52), проверявшего советские загранпредставительства. Бориса Анисимовича (Исаака Аншелевича) Ройзенмана Огрызко слегка демонизирует, изображая чуть ли не личным ревизио-

ром Сталина (с. 53–54), а вот Рабкрин автор явно недооценивает, заявляя, что «ЦКК–НКРКИ по-своему дополняла такую могущественную советскую спецслужбу, как ОГПУ» (с. 53). Между тем если ОГПУ в 1920-е гг. не могло брать в разработку действующих членов ЦК большевистской партии, то ЦКК рассматривала дела партийных функционеров любого ранга.

Огрызко делает предположение, что, «переходя в 1931 году в аппарат ЦКК–НКРКИ к Ройзенману, Суслов имел отношение прежде всего к международной и внешнеторговой сферам», причём «лично он не вёл партийных расследований», поскольку «для этого в аппарате ЦКК–НКРКИ существовали партийные следователи», однако, «видимо, отвечал за экономические и финансовые экспертизы по заведённым делам» (с. 56). «Есть версия, — пишет автор, не уточняя, кому именно она принадлежит¹, — что Суслов после перевода в 1931 году в аппарат ЦКК–НКРКИ был вовлечён в деятельность неформальной партийной разведки, во главе которой на тот момент, видимо, стояли руководитель ЦКК–НКРКИ Андрей Андреев и член президиума ЦКК–НКРКИ Борис Ройзенман» (с. 57).

Существование «партийной разведки» Сталина до сих пор остаётся предметом дискуссии среди специалистов. Но если он и располагал чем-то подобным, эта деятельность не была институционализована. Скорее, отдельные большевики и участники международного коммунистического движения исполняли те или иные конкретные указания — не более того. И нет оснований думать, будто вызов того же Суслова в Свердловск для чистки партии в 1933 г. объяснялся необходимостью «выявления скрытых лидеров оппозиции и источников их финансирования» (с. 61), а не обычной практикой избавления

от «карьеристов, шкурников, бюрократившихся элементов» и «морально разложившихся» людей (с. 62). Точно так же в 1934 г. Ройзенман и Суслов чистили Черниговщину от националистических элементов (с. 69).

В 1934 г., после того как ЦКК–НКРКИ разделили на Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) и Комиссию советского контроля при СНК СССР, Суслов перешёл в КСК, а в 1936 г. по собственной инициативе вернулся на учёбу в Институт красной профессуры (ИКП), поступив, по словам Огрызко, «весьма дальновидно». Действительно, уже в сентябре 1936 г. Политбюро упразднило заграничную инспекцию КСК, с которой он был тесно связан, а затем всех «старых контрольных работников» постепенно репрессировали (с. 56), «уцелели лишь единицы», Ройзенман тяжело болел и уже мало на что влиял (с. 70).

Между тем в ИКП Суслова, по мнению Огрызко, «негласно опекали» Л.З. Мехлис и Б.А. Двинский, о котором сказано, что «по одной из версий, через него Сталин осуществлял связь со своими личными агентами в различных органах власти» (с. 72), «а дальше в дело вступил Андрей Андреев» (с. 73). Если верить автору книги, «есть немало данных, которые позволяют предположить, что именно Андреев являлся в конце 20-х — начале 30-х годов одним из создателей и неформальным руководителем личной разведки Сталина» (с. 73). Будто бы «именно к нему весной 1935 г. отошли от Лазаря Кагановича функции второго в партии — после Сталина — человека», и даже «есть основания полагать, что именно он вплоть до начала 40-х годов рекомендовал вождю руководителей ключевых регионов страны». Опираясь на мемуары А.С. Чуянова², Огрызко описывает, «как Кремль готовил руководящие кадры после массовых репрессий»:

«Способных людей отыскивали на заводах и в институтах и сразу выдвигали на работу в аппарат ЦК. Там в течение нескольких месяцев к ним присматривался заводделом руководящих партработников Георгий Маленков. А потом своё мнение должен был высказать секретарь ЦК Андрей Андреев. Он мог поддержать выбор Маленкова, а мог и отвергнуть. Важно то, что Сталин перед войной очень прислушивался к кадровым рекомендациям Андреева». Так происходило выдвижение самого мемуариста, за три года прошедшего путь от инженера-механика до первого секретаря Сталинградского обкома, П.К. Пономаренко и др. (с. 73).

Суслова отправили в Ростов, назначив вторым секретарём обкома и заведующим местным Отделом руководящих партийных органов. Характерно, что 9 ноября 1937 г., вскоре после его отъезда, общее партсобрание Экономического отделения Института красной профессуры обвинило Михаила Андреевича в «причтуплении партийной бдительности... в деле разоблачения врагов народа» (с. 78). 15 ноября его официально отчислили из ИКП. Но «оргвыводы» не последовали, как считает Огрызко, благодаря Андрееву (с. 80). Между тем Революий Михайлович Суслов в 2020 г. настаивал на том, что «судьбу отца осенью 1937 г. определил лично Сталин и никто более. Как он слышал, однажды Сталин вызвал отца к себе и сказал, что хватит учиться, пора работать, и послал его на Дон. По его словам, Сталин отлично знал очень многих людей, входивших в номенклатуру ЦК, и часто лично распоряжался их судьбами. Вождю давно, по утверждению Революий Михайловича, был известен и Суслов. Якобы отец уже несколько лет находился на заметке у вождя. А с Двинским, как полагал Революий Михайлович, отец

познакомился уже в Ростове» (с. 80–81). Со своей стороны, и Огрызко не сомневается, что «в большинстве случаев кадровые решения такого уровня принимал лично Сталин». Но, как напоминает исследователь, их должен был кто-то готовить (с. 81).

В Ростове Суслову предстояло «остановить масштабные репрессии и организовать пересмотр многих дел по массовому исключению людей из партии», а также «в короткий срок подобрать новые кадры для районных и областных управленческих звеньев» (с. 81). Огрызко указывает, что на Дону Суслов не побоялся спасти «немало людей» (с. 84). Во всяком случае, сохранились отдельные письма 1960-х гг., в которых его благодарили за заступничество в 1938 г. (с. 84).

10 февраля 1939 г. Суслова перевели из Ростова на должность первого секретаря Орджоникидзевогo крайкома ВКП(б) (с. 88–89). В Ставрополье он развернул Апелляционную кампанию, осудив «ежовщину» и выступив «за немедленный пересмотр прежних решений о репрессиях» (с. 89). Репрессии в крае «существенно снизились» (с. 90), хотя едва ли в том следует видеть особую заслугу Михаила Андреевича. Их размах определяли совсем иные инстанции. Сам же он, как установил Огрызко, перед войной занимался преимущественно строительством Невинномысского канала, позволявшего обеспечить водой 33 района края и соседних регионов (с. 94).

В период Великой Отечественной войны и, в частности, во время захвата немцами Ворошиловска в августе 1942 г. храбрым поведением Суслов не отличился (с. 98–120). Скорее, напротив. А его пафосная статья «В освобождённом крае», опубликованная в «Правде» 26 января 1943 г., даже вызвала негодование у пятерых раненых красноармейцев, сообщав-

ших в Москву (письмо было «доложено» Г.М. Маленкову): «По госпиталям Еревана сейчас среди больных проходит волна безграничного возмущения, взрыв сурового негодования, после прочтения [статьи] за подписью секретаря Ставропольского крайкома партии М.А. Суслова. Ведь это же презренный трус и предатель, он первый бежал из края, бросив всё на растерзание лютному врагу. Ведь этот предатель вместо того, чтобы организовать трудящихся на борьбу с врагом и в худшем случае организовать эвакуацию людей и богатств... он позорно, как битая собака, бежал со своей такой же трусливой компанией, не забыв несколько раз послать грузовую машину в мясокомбинат за колбасами, мясом, окороками, для кормёжки таких же презренных трусов, как он сам. В то же время... от рук фашистских убийц погибли тысячи ранбольных, оставленных по вине предателя Суслова... трагически погибли многие коммунисты и их семьи, так как предателю Суслову было не до них, он драпал, спасая собственную собачью шкуру... Этот презренный трус Суслов, именуемый сейчас “секретарь Ставропольского крайкома партии”, вместо того, чтобы выполнить свой долг перед родиной — организовать эвакуацию людей, особенно ранбольных воинов, вывезти накопленные богатства, он, спасая свою шкуру, и таких, как он, мерзавцев, удрал в передовых рядах, поднимая по пути панику, а теперь даже имеет хамскую наглость демонстрировать свою фамилию в центральной газете “Правда”» (с. 120–121).

Ещё 14 сентября 1942 г., оправдываясь перед Андреевым за оставление города, Суслов винил в случившемся Красную армию, милицию и чекистов, включая Б.З. Кобулова — одного из ближайших сподвижников Л.П. Берии. «На что же рассчитывал

Суслов? — размышляет Огрызко. — Одно из двух. Или обстоятельства так припёрли его к стенке, что уже не было другого выхода, кроме как всё взвалить на армию и НКВД — лишь бы самому уцелеть. Или же изначально делался расчёт на заступничество Андреева» (с. 105–106). Впрочем, не исключено, что инициировал данный выпад сам Андреев, недовольный укреплением позиций Берии (с. 105).

Какое-то время Суслов участвовал в организации партизанского движения, а в 1944 г. стал председателем Бюро ЦК по Прибалтийским республикам. В Литве он, как показал Огрызко, потерпел фиаско в борьбе с националистами, однако добился успехов в восстановлении местной экономики (с. 152). В Москве, похоже, остались им довольны, и в марте 1946 г. он оказался уже в Оргбюро ЦК ВКП(б), а чуть позднее стал заведующим Отделом внешней политики ЦК (с. 153–160). Теперь в его деятельности выделялись «четыре основных направления: коминтерновское наследие; внешнеполитическая пропаганда и надзор за органами этой пропаганды; связи с иностранными коммунистическими и рабочими партиями, включая их финансирование; подбор кадров для дипломатических и внешнеторговых учреждений» (с. 168). Тем самым Михаил Андреевич «приобрёл новый и очень важный опыт» и «научился ведению международных дел», соединив в своих руках «многие нити, пущенные по всему миру нашей партией». По сути, заключает Огрызко, «Суслов быстро превратился в одного из самых информированных в стране людей, а значит, он становился весьма влиятельной фигурой» (с. 193). 17 сентября 1947 г. под его руководством оказался и Агитпроп ЦК (с. 231–232). Любопытно, что реформу партаппарата Сталин, судя по рабочим записям Суслова, замыслил

не позднее февраля 1948 г., и Михаил Андреевич активно участвовал в её подготовке (с. 242–243). 10 июля круг обязанностей Суслова несколько сузился (с. 247), однако это не отразилось на его дальнейшей карьере. Год спустя, 20 июля 1949 г., он сменил П.Н. Поспелова во главе «Правды» (с. 259), а к концу 1950 г. начал вести себя «как главный партийный идеолог» (с. 264). С 17 ноября 1952 г. ему, наряду с Маленковым и А.М. Пеговым, поручалось ведение заседаний Секретариата ЦК (с. 280).

После кончины Сталина Суслов первоначально вывели из «узкого» партийного руководства (с. 283), однако почти сразу вернули в Секретариат, а летом 1955 г. и в Президиум ЦК (с. 287). Огрызко внимательно проследивает неуклонное усиление влияния Суслова во второй половине 1950-х гг., отмечает его видную роль в событиях июня и октября 1957 г. (с. 333–341). Во внутрипартийных конфликтах Михаил Андреевич умело сочетал решительность и осторожность, демонстрируя незаурядную интуицию, которая ни разу ему не изменила: он неизменно оказывался в рядах победителей, а его авторитет лишь возрастал. Тщательно проанализировано в книге соперничество Суслова с Л.Ф. Ильичёвым за положение ближайшего сотрудника Хрущёва в идеологических делах в начале 1960-х гг. (с. 352–380) и вовлечение главного идеолога партии в заговор против первого секретаря ЦК в 1964 г.

Весной 1964 г. над Сусловым, по словам Огрызко, «нависла новая угроза отставки» (с. 383), причём опасность представлял «непосредственно Хрущёв» (с. 380), а точнее — всплески его «самодурства» (с. 385). Поэтому у автора книги «есть основания думать, что с самого начала отнюдь не Шелепин неформально руководил мозговым центром по устранению

Хрущёва с политического Олимпа». По мнению Огрызко, «самые важные инициативы исходили, видимо, от Суслова и, наверное, ещё от Брежнева», которого заговорщики (Н.Г. Игнатов, А.Н. Шелепин, Н.Р. Миронов и Ф.Д. Кулаков) выбрали преемником Хрущёва. Однако «настоял на этом, судя по всему, именно Суслов» (с. 391). Правда, доказать это по меньшей мере проблематично, если вообще возможно.

Как бы то ни было, на октябрьском пленуме 1964 г. Суслов являлся одной из ключевых фигур. В последующие годы, не претендуя на статус первого лица, он охотно помогал Брежневу избавляться от возможных конкурентов в борьбе за власть. Постепенно, несмотря на неоднократные попытки их столкнуть (с. 404–423), «у Брежнева и Суслова по большинству вопросов возникло полное взаимопонимание» (с. 421). Их сближало неприятие крайностей и резких действий (с. 495), стремление к сохранению баланса. В середине 1970-х гг., когда к Суслову перешло ведение текущих дел в Политбюро и Секретариате ЦК, он прочно закрепил за собой положение второго человека в партии, потеснив имевшего схожие амбиции А.П. Кириленко (с. 422–423, 436, 443–459). Правда, по мере ухудшения самочувствия Брежнева в высшем руководстве всё сильнее ощущалось значение К.У. Черненко, а также своеобразного «трио» Ю.В. Андропова, А.А. Громыко и Д.Ф. Устинова (с. 519–522).

Вместе с тем Огрызко пишет про некий «альянс Косыгина с Сусловым» и о том, что их «многолетняя связка» (хотя «это не была дружба») якобы «раздражала» Кириленко. Тот будто бы «надеялся в ходе реформ подмять под себя бóльшую часть центрального партийного аппарата, а заодно и все министерства, занимавшиеся народ-

ным хозяйством», что и вызвало противодействие со стороны «других секретарей ЦК, в частности, Кулакова и Устинова». Суслов же, утверждает Огрызко, «понимал, что движение страны невозможно без эффективной научно-технической революции с учётом западного опыта. Но чтобы реформы стартовали, следовало прежде всего привести на ключевые посты новых людей. А вот тут Суслов пока ещё полной свободы не имел» (с. 430–431).

Изображая Сулова, запомнившегося скорее своим консерватизмом, тайным сторонником преобразований, Огрызко довольно смело характеризует его устремления в январе 1982 г.: «Похоже, Сулов понимал, что готовившийся пленум ЦК был для него последней возможностью повернуть общество на путь реформ, которые могли бы и страну сохранить, и вывести нашу экономику на новый уровень. Но он также осознавал, что одному стену в Политбюро ему не пробить. Не это ли подтолкнуло его к мысли о возрождении и укреплении альянса с Андроповым, о котором в 50-х годах мечтал Куусинен?». Михаил Андреевич будто бы даже «считал, что ради спасения страны следовало объединить усилия и побудить Брежнева принять план именно их реформ. Кстати, очень многое говорит о том, что Сулов в каких-то вещах готов был пойти дальше, чем Андропов» (с. 529–530). Всё это, разумеется, звучит крайне увлекательно и неожиданно, но, к сожалению, в данном случае историк не приводит документальных свидетельств, подтверждающих наличие подобных «планов» или хотя бы размышлений.

На деле же период, когда Сулов находился в зените своего могущества, сам автор книги характеризует как «время упущенных возможностей» (с. 424–442). При этом Огрыз-

ко полемизирует с теми публицистами и писателями, которые, как И.М. Шевцов, причисляли Сулова к русофобам и гонителям всего, что не укладывалось в рамки советского официоза. Огрызко уверяет читателя, что «Сулов-то как раз очень ценил и почитал русскую культуру», хотя и проявлял «огромную осторожность», когда речь заходила о её сохранении и развитии. Исследователь объясняет это живыми воспоминаниями о том, «как в своё время Сталин болезненно отреагировал на предложение Жданова подчеркнуть в новой программе партии роль русского народа», опасением «посеять национальную вражду». Сказывалось и то, что «вокруг Брежнева давно уже вертелось немало людей, которые... пытались скомпрометировать защитников русских интересов», ратовали же за них такие члены Политбюро, как Шелепин и Д.С. Полянский, вызывавшие у генерального секретаря недоверие и подозрения в нелояльности (с. 471–472).

И всё же едва ли случайно не из брежневского, а как раз из суловского окружения вышел один из наиболее знаменитых и знаковых русофобских текстов 1970-х гг. — статья А.Н. Яковлева «Против антиисторизма»³. Кстати, как отмечает Огрызко, после той публикации Сулов хотя и дистанцировался от своего сотрудника (помогавшего ему готовить выступление на октябрьском пленуме 1964 г.), но «не позволил задвинуть Яковлева куда-то на периферию, как это планировалось некоторыми функционерами». Напротив, «он пробил назначение Яковлева послом в довольно важную для нас страну — в Канаду — и потом не раз защищал его от нападок председателя КГБ Андропова» (с. 408). Неудивительно, что в «патриотических» кругах «русистов» Сулова, как и Андропова относили к «врагам» (с. 8–9). Однако, несмотря

на эту вражду, по-видимому, вполне взаимную, «самый читающий член Политбюро» брежневского времени (как именует Сулова Огрызко) «умел быть гибким, учитывать интересы всех элитных групп и чувствовать эпоху. А уж для писательского сообщества он сделал очень и очень много» (с. 489). В 1980 г. благодарил Михаила Андреевича «за участие в моей судьбе русского советского художника» и убеждённый «почвенник» И.С. Глазунов (с. 515).

Весьма удачно в книге очерчена частная жизнь Сулова: его распорядок дня в рабочие дни и на отдыхе, вкусы, привычки, привязанности, стиль общения с родными и близкими (с. 500–515). В заключительной главе подробно говорится о состоянии здоровья Михаила Андреевича в конце 1970-х — начале 1980-х гг. и об обстоятельствах его последней болезни и кончины 26 января 1982 г. (с. 516–535). И вновь приведённые автором факты невольно наводят на подозре-

ния, которые, вероятно, никогда уже не будут подтверждены или развеяны.

Книге явно не хватает указателя имён и топонимов, а также заключения, в котором автор обобщал бы свои наблюдения и оценки. Тем не менее увлекательный и насыщенный новыми документами и неожиданными суждениями труд В.В. Огрызко несомненно заинтересует читателей и будет полезен профессиональным исследователям политической истории Советского Союза.

Примечания

¹ Как пишет Огрызко, «отчасти этой версии придерживался» А.Г. Авторханов, но тот называл Сулова лишь «координатором НКВД и партии» (с. 57).

² Видимо, имеется в виду издание: *Чуянов А.С.* На стремнине века. Записки секретаря обкома. М., 1977. Но почему-то ни в тексте, ни в «Списке источников и литературы» оно не упомянуто.

³ Литературная газета. 1972. 15 ноября. № 46.